

История Глеба

Отцы и дети

— Как я пришел к Богу? О, это отдельная и очень грустная история. К Богу приходишь, когда идти уже больше не к кому. Не то чтобы от меня отвернулись друзья или близкие, нет. Просто порой бывают ситуации, когда никто не в состоянии тебе помочь.

Мы сидим на кухне у моего прихожанина Глеба. Он пригласил меня освятить его квартиру, а потом принялся угощать кофе. Говорят, о любом сотруднике спецслужб можно написать увлекательную книжку. А я по своему опыту знаю, что книги можно писать о любом человеке, пришедшем в храм. Тем более, если это мужчина. Может, в больших городах представителей сильного пола, постоянно ходящих к службе, хватает, но у нас, в деревнях и рабочих поселках, таких единицы. И у каждого — своя неповторимая история. Была она и у моего прихожанина.

— Много лет мы с женой провели на севере, — рассказывал Глеб. — Сперва я нефть добывал, потом увлекся шитьем, освоил профессию портного. Я человек увлекающийся, если что-то делаю, то со всей отдачей. Стал придумывать собственные модели. Пошли заказы, появились деньги. Но в перестройку жизнь на севере становилась все хуже и хуже. Решили мы возвращаться на большую землю. А уже дочка подросла — нужно, как минимум, две комнаты. Вскоре через уже уехавшего из Сибири друга я узнал, что

недалеко от него, в соседнем подмосковном городе продается двухкомнатная квартира — как раз по нашим деньгам. Жила в ней одинокая бабушка, но померла, и наследники торопились продать жилье.

Съездили с женой, посмотрели городок, квартиру и решили брать. Так оказались здесь, в Подмоскowie. Наследник оставил нам и всю обстановку, но... Ты замечал, как пахнет в домах у старых людей? Не знаю, откуда берется этот запах, но когда его ощущаешь, хочется выгрести все это барахло. Мы так и сделали. Кое-что, правда, на время оставили, а остальное — в огонь.

От прежней хозяйки на стене остались висеть простенькие иконки, какие-то церковные книжки на полке и Библия. Библию и иконки я оставил, молитвослов тоже. Остальное отнес в церковь. И еще, копаясь в ее бумагах, нашел две общие тетради. Полистал я и понял, что бабка, звали ее Надеждой Ивановной, записывала свои воспоминания. Их я тоже решил почитать. А пока забросил тетрадки на антресоли и благополучно про них забыл.

Постепенно обустроились на новом месте. Сняли однокомнатную квартиру под швейную мастерскую. Заказы по старой памяти продолжали поступать от северян, потом появились и местные клиенты. И все бы ничего, если бы не вечная проблема... У одних посмотришь — дети как дети, послушные, целеустремленные, с родителями никаких противоречий, а у нас — беда. С дочерью полный разлад.

В девяностых годах появились и богатые, и бедные. По телевизору, по всем каналам — сплошные истории про красивую жизнь. Хочется всего и сразу, и еще чтобы не работать, а уж если деваться некуда и работать придется, так чтобы совсем чуть-чуть, не в напряг.

Наша Катя как раз заканчивала школу. В друзья все больше выбирала ребят из зажиточных семей. И пошла в ее жизни полоса из пьянок и гулянок. Отказалась помогать нам с матерью, стала дерзкой, порой даже не приходила домой ночью. Мы перестали с ней разговаривать, и она нам объявила бойкот. Представляешь, не общались без малого год. Жили под одной крышей — и не разговаривали друг с другом.

Тогда героин продавался на каждом углу. Мы с женой Леной боялись одного: только бы не наркотики! Надеялись только на то, что пройдет год-другой — перебесится, успокоится и станет умнее. А там, глядишь, замуж выйдет, дети появятся... Все и наладится.

Это было ужасное, даже отчаянное время. Тогда я впервые осмысленно взглянул на иконки, все еще висевшие на стене. И, наверное, в первый раз попросил Его о помощи. Но перед этим оглянулся по сторонам, не видит ли меня жена. Я не знал, как это — молиться. И просто попросил:

— Бог, если Ты есть, помоги. Сделай так, чтобы она не погибла. Ты же знаешь ее, она ведь неплохая девочка. С ней просто какое-то наваждение. Верни ее нам, пожалуйста. Я Тебя очень прошу. Ты же можешь, ну, что Тебе стоит?

А однажды ночью дочь и ее друзья возвращались на машине из соседнего города. Катя попросила остановиться, пересела на место рядом с водителем. Трогаясь, тот резко выжал педаль газа, автомобиль развернуло и бросило на деревья. Катя, пробив голову стекло, вылетела из машины и пролетела десять метров. А неуправляемый автомобиль, продолжая двигаться, закружился по трассе, и в тот же миг в него ударились другая легковушка. Удар пришелся рядом с водителем. Если бы Катя осталась там сидеть, удар

стал бы для нее смертельным. От места, что справа от водительского, не осталось ничего.

Трое ее спутников без единой царапины выбрались из покоренного автомобиля и вызвали «скорую помощь». Потом даже пришли к нам домой и сказали, что Катю увезли в больницу на перевязку, ничего страшного, утром она приедет домой.

А наша дочь в это время лежала без сознания в приемном покое больнички соседнего города. Хирург, увидев Катю, немедленно повез ее в операционную. У нее было оторвано ухо, полностью разбито лицо, сложный перелом правой руки и декомпрессионный перелом позвоночника с раздроблением одного из позвонков.

С утра, обеспокоенные тем, что Катя не вернулась, мы с женой помчались в больницу. Хорошо помню, как мы вошли к ней в палату. Вдребезги разбитое лицо, испуганные глаза и фраза:

— Папа, прости, я все поняла.

Уже потом она рассказала, что, проваливаясь в бессознательное состояние, видела какую-то женщину. Та подошла к ней и сказала:

— Обернись назад и посмотри, как ты жила. Теперь тебе предстоит все исправить.

За год до аварии у нас состоялся тяжелый разговор. Я сказал ей: «Тебе придется когда-нибудь ответить за твою бесшабашную, праздную жизнь». И как же она нас тогда ненавидела, считала своими главными врагами! А Бог в одно мгновение расставил все по своим местам. Страшная трагедия стала ее вторым рождением.

Сейчас я произношу слово «Бог», вкладывая в него тот смысл, какой оно в себе и несет. А тогда я ничего о Нем не знал, и если представлял себе Его, то

именно так, как Он был изображен на бумажной иконке, оставшейся от прежней хозяйки.

Помню полную растерянность: нужно спасать дочь, но как? Кто ее будет лечить? Что для этого нужно? Мы понимали: предстоят дорогостоящие операции. Где найти средства? А может, и нет смысла искать? Я же видел, как врачи на вопрос, есть ли у Кати шанс, отводили глаза в сторону. А их бодрые фразы, что нельзя падать духом, всегда надо надеяться на лучшее, — не больше, чем попытка морально поддержать нас, родителей.

Какая медицина, какие надежды на лучшее в стране, погружавшейся в разруху? Конечно, где-то есть Германия и Израиль, можно попытаться, поискать денег... Или уже бестолку? Может, лучше смириться, и пусть все остается, как есть? Катька будет лежать, прикованная к постели. Будем о ней заботиться. Пройдут годы, кто-то из нас умрет — мы или она. А если она нас переживет? Кто тогда будет выносить за ней судно?

Помню, как я метался по комнате, и взгляд упал на Библию, которую мы оставили себе. Большого размера, дореволюционное издание. Не знаю, почему я взял ее, открыл наугад и прочитал: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49:15).

Я читал, читал и приходило осознание, что мы в своей беде не одни. И вдруг словно озарило — тетрадки! Внутренний голос сказал мне: ищи ответ в них. Библия и тетради остались от человека, что жил здесь раньше. Связь, определенно здесь была какая-то связь! Иначе зачем?!

Въезжая, я забросил тетради на антресоли и с тех пор их не видел. Подставил стул, разыскал. Ага, вот они. Что-то я обязательно должен прочитать...

Неожиданно Глеб встал из-за стола и вышел из кухни. Вернулся, держа в руках две большие общие тетради.

— Вот, остались от Надежды Ивановны, прежней хозяйки. Что интересно: она писала с расчетом, что когда-нибудь тетради попадут в руки ее правнука, которого, как я понял, она никогда не видела. Но знала, что он есть, знала его имя. Хочу, чтобы и ты их прочитал. Может, удастся разыскать мальчика? Вдвоем у нас больше шансов его найти. А тогда я открыл тетрадь и начал читать с конца. Я и книги почему-то начинаю с конца. И сразу вот это место. Страшное, скажу тебе, место. Представь, что я испытывал тогда, прочитав эту историю...

Из тетрадей Надежды Ивановны

Болезнь и смерть Светы

«Встречать новый 1978 год к нам из Москвы приехали Света с Леней и Сережкой. Привезли в подарок зеркало, оно и сейчас висит в прихожей, и мне платье серое в коричневый горошек из кримплена. Я уже надела голубое, но тут же переделалась в Светин подарок.

На новогодний вечер мы с Игорем пошли в Дом культуры. Праздник был в разгаре, когда прибежал соседский мальчик и сказал, что у Светы начались страшные боли в желудке. Мы побежали домой, тут же вызвали дежурного врача. Тот приехал, посмотрел Свету, дал болеутоляющие и велел сразу после праздника идти делать рентгеновский снимок.

Новый год прошел невесело: у Светы продолжались боли. Ходили мы и на площадь, и дома гуляли, но меня постоянно мучило предчувствие беды. Еле дождалась окончания праздника. Утром мы пошли на работу, а Света отправилась на рентген желудка. Оттуда зашла ко мне в аптеку, и мы пошли на обед. По дороге Света сказала, что ей дали направление в Москву, что у нее, наверное, язва, и ей будут делать операцию. Боли прошли, и дочь повеселела.

После обеда я вернулась в аптеку, и тут позвонил главврач поликлиники и попросил зайти к нему в кабинет. Сердце мое оборвалось: просто так он не стал

бы вызывать, сказал бы диагноз по телефону. Захожу, в кабинете в два ряда сидят врачи, вид у всех какой-то виноватый или напуганный.

Главврач начал издали, но я не могла больше ждать и спросила напрямую: что со Светой? Рак? Он помялся, стал что-то говорить, но я уже ничего не слышала и, встав, словно слепая, натываясь на предметы, вышла в коридор. Глаза застилали слезы, в руках я держала направление в Москву, в шестую клинику.

Вернулась в аптеку и, не выдержав, разрыдалась в голос. Рабочий день закончился. Пора идти домой, а у меня ноги подкашиваются. И еще нужно быть веселой, улыбаться, чтобы никто ничего не заметил.

Так я притворялась целых полгода. Шутила, ходила веселой, а у самой внутри все изнывало от боли, что Света живет с нами последние дни. Еще был постоянный страх, что кто-то из врачей проговорится, и дочь узнает, что ее дни сочтены. Это в девятнадцать-то лет!

Боже мой, какие это были страшные дни и месяцы! Стрешнее в своей жизни я ничего не испытывала.

Одиннадцатого января мы со Светой рано утром приехали на вокзал. Подошла электричка, и мы поехали в Москву. Света все время что-то мне говорила, а я делала беспечный вид и смотрела на нее. Мне очень хотелось запомнить ее лицо, самую маленькую черточку запомнить. В больнице врач взял у меня снимки, посмотрел и попросил подождать в коридоре. Свету отправили на гастроскопию. Потом, когда она вышла, врач позвал меня в кабинет:

— Что же вы так поздно обратились? Надо срочно делать операцию. Если вы согласны, мы дадим направление на госпитализацию.

Что оставалось делать? Я согласилась, и мы со Светой отправились в отделение. Я как сейчас все это

вижу. Света стройненькая, в сером пальто, красной вязаной шапочке, в сапогах, облегающих ножку. В приемном покое Света сняла пальто и осталась в красном платье. Ей выдали тапочки и халат. Вот мы прощаемся, я успокаиваю ее, говорю, что операции язвы желудка проходят без осложнений. Она уходит, я смотрю ей в след, и слезы застилают глаза.

Неделю спустя, после проведенных анализов, была операция, прямо на Крещение Господне. Мы с Леной с утра сидели в приемном покое. Много раз я подходила к окошку, но все отвечали, пока ничего не известно. Наконец, слышу, из окошка называют мое имя, подзывают к телефону. Дрожащей рукой беру трубку, подношу к уху. Где-то глубоко в душе еще теплилась надежда, может все обойдется.

— Да, я вас слушаю!

— Кем вы приходитесь Свете?

— Мать.

— Кто еще рядом с вами?

— Светин муж.

— Ну, так вот, только для ваших ушей. Операцию мы сделали, но уже поздно... Слишком поздно. Можете ее навещать, вам и ее мужу дадут пропуска. Когда придете, зайдите в кабинет к лечащему врачу, вам все расскажут.

Я положила трубку. Посмотрела на Леню. Тот ждал моего ответа. Я улыбнулась и сказала, что операция прошла успешно, и мы сможем пройти к Свете, но пока она находится в реанимации.

Потом мы пошли в метро, я вышла на Электрозаводской, а Леня поехал к ним домой. Как только мы расстались, слезы из моих глаз полились потоком. Шла и ничего вокруг не видела, а ведь еще нужно было зайти в магазин, купить что-нибудь из еды. Дома

никто ни о чем не должен догадаться. Зашла в гастроном у Курского вокзала. Мимо проходят девушки такого же возраста, как и Света, а у меня в голове мысль: «Почему не они, почему моя дочь? Господи, почему моя дочь?!» В ту минуту я не думала, что у этих девочек есть матери, которые переживали бы о них точно так же, как я.

Дома Игорь ждал меня, не ужинал. Я выложила покупки, разделась, умылась и села за стол. Со спокойным видом рассказала, что Свете удалили часть желудка. Сейчас она в реанимации, скоро переведут в обычную палату, и мы сможем ее увидеть.

Сережку мы на время устроили у нас в ясли, договорились. Леня привез из Москвы его кровать, мы поставили ее в спальне.

В первый же день, когда разрешили посетить дочь, я поехала в Москву. Мне показали, где находится Светина палата. Я зашла. Света была одна, лежала на кровати и читала. Увидев меня, она очень обрадовалась, принялась рассказывать, как врачи готовили ее к операции. Она уже принимала пищу, и ей принесли в палату яйцо всмятку и что-то еще. Я радовалась вместе с ней, а все мое нутро разрывалось от тоски.

На тумбочке у нее стояла фотография, где они втроем: она, Леня и Сережка.

Потом я зашла к лечащему врачу. Услыхав, что я Светина мама, он поначалу даже не мог со мной говорить. От волнения у него перехватило горло. Потом сказал, что Свету разрезали, посмотрели и снова зашили. Все было слишком поздно. Ей сказали, что вырезали часть желудка, где образовалась язва. Прощаясь, он пожелал мне выдержки и терпения. Еще попросил вести себя естественно, ничем не выдавая своего состояния.